

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381

Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области*

М.А. Ермакова, Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119571, Россия
(e-mail: maya.ermakova8@gmail.com; varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com)

Зарубежные исследования показывают, что характеристики расселения мигрантов тесно связаны с их интеграцией. Если интеграция мигрантов давно изучается российскими исследователями, то работ о расселении мигрантов, за редким исключением, практически нет. Статья призвана описать различные аспекты расселения мигрантов в Москве и Московской области и показать, как те или иные варианты расселения связаны с особенностями интеграции. Авторы предлагают классифицировать характеристики расселения мигрантов по четырем основаниям: *tenure* («отношения с недвижимостью»), тип застройки, социальные круги в месте проживания и способ добираться на работу. Каждый выделенный тип проиллюстрирован примерами, включающими как особенности проживания, так и прочие элементы, позволяющие читателю представить описываемые случаи максимально ярко. Исследование было проведено методом интервью — с 65 мигрантами в Москве и Московской области, которые были отобраны в соответствии с принципами «обоснованной теории». В качестве мигрантов выступали люди, родившиеся в Армении, Азербайджане, Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане, как россияне, так и иностранные граждане. Исследование показало, что, вопреки стереотипам, мигранты селятся весьма разнообразно, например, местом проживания может быть как квартира в собственности, так и съемное койко-место в бытовке, а что касается кругов общения, то речь может идти как о нуклеарной семье, так и о большой группе незнакомцев из разных стран. В статье представлен ряд предположений, как те или иные характеристики расселения связаны с интеграцией мигрантов, например, о положительном влиянии владения недвижимостью одновременно на структурную и идентификационную интеграцию, а также о взаимосвязи использования транспорта работодателя, чтобы добраться от дома до работы, и социальных аспектов интеграции.

Ключевые слова: мигранты; расселение; застройка; «отношения с недвижимостью»; круги общения; Москва; Московская область; интеграция

Интеграция мигрантов относительно недавно оказалась в фокусе миграционных исследований в России [6; 18]. Несмотря на неравенство мигрантов и немигрантов по разным основаниям [17] и многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в принимающем обществе [1], интеграция, особенно во втором поколении [8], происходит [3]. Согласно зарубежным исследованиям, один из важнейших критериев интеграции мигрантов — характеристики расселения [36]: считалось, что «резидентная ассимиляция» —

* © Ермакова М.А., Варшавер Е.А., Иванова Н.С., 2020.

Статья поступила 12.01.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

наиболее желаемый вариант расселения [43; 45], в отличие от модели гетто [50]. Сегодня, во многом под влиянием теории сегментной ассимиляции [47] и эмпирических свидетельств более сложной взаимосвязи интеграции и расселения [39], это противопоставление считается неправомерным упрощением, а модели расселения мигрантов в городах и интеграционные исходы могут быть весьма разнообразны.

Российские исследования интеграции, за редким исключением, до последнего времени игнорировали вопросы расселения, которые только недавно стали изучаться, в частности, детерминанты расселения мигрантов в городе [4], взаимосвязь места работы и места проживания [16], разные типы проживания мигрантов в Москве [14], индивидуальная резидентная динамика [19], специфика Москвы как пространства расселения мигрантов [7], являются ли Котельники, город-спутник Москвы, этномиграционным анклавом [2] и др. Однако эти работы дают лишь фрагментарное представление о расселении мигрантов в России, и его полноценное описание, как и связи его характеристик с интеграцией — дело будущего.

Из зарубежных исследований известно, что с интеграцией связаны такие характеристики расселения мигрантов, как *tenure* [54] (характер отношений индивида с жильем), время постройки здания [48], состав проживающих [24; 42], дистанция и способ добираться от места проживания до работы [31; 36]. В России исследований, которые описывали бы эти аспекты проживания, за исключением нескольких работ [см.: 14], где типология проживания представлена в усеченной форме, не проводилось, хотя анализ этих характеристик — важный первый шаг в поисках ответа на вопрос, как расселяются мигранты в России и как характеристики их расселения связаны с интеграцией.

В статье представлена типология характеристик расселения мигрантов в Москве и Московской области, разработанная в рамках многолетнего проекта Группы исследований миграции и этничности РАНХиГС, призванного на основе разных подходов описать расселение мигрантов в России на международном фоне. В ходе исследования было проведено 65 интервью — информанты отбирались по принципам «обоснованной теории» [21; 34]. Выделенные по разным основаниям типы проиллюстрированы примерами, которые позволяют представить тип «вживую». Примеры сопровождаются деталями, иногда не связанными напрямую с расселением, но позволяющими максимально ярко представить случаи, относящиеся к тому или иному типу. Классификация также содержит указания, каким образом тот или иной тип проживания предположительно связан с интеграцией мигрантов (это гипотезы для последующих исследований).

Считается, что первопроходцами изучения расселения мигрантов в городской среде стали исследователи Чикагской школы, в частности, Л. Вирт, который реконцептуализировал термин «гетто» применительно к современным ему реалиям [53], и Р. Парк и Э. Берджесс [45], предложившие модель концентрических кругов, описывавшую отдельные старопромышленные

города. Рост числа работ о расселении мигрантов в разных странах потребовал более точных показателей, и на основе статистических данных стали конструироваться «индексы сегрегации», ставшие популярным инструментом анализа расселения мигрантов в городах и более широком контексте [37]. Классическая работа Д. Мэсси и Н. Дэнтон подвела итог тридцати годам работы — существовавшие на тот момент индексы были оценены на предмет применимости [43].

Сегодня индексы сегрегации по-прежнему популярны, и существенная часть исследований интеграции в связи с расселением основана именно на них и показывает, что чем выше концентрация мигрантов, тем ниже доход единицы проживания [52], уровень образования [27] и идентификация с принимающим обществом [55] (хотя встречаются и свидетельства обратного [41]). Эти исследования редко дают ответ на вопрос, с чем связан тот или иной уровень сегрегации и — шире — почему мигранты живут именно там, где живут. Эти вопросы реже рассматриваются, хотя уже известно, что важной характеристикой расселения мигрантов является *tenure* — «связи» между жильцом и жильем (владение, владение с ипотекой и аренда), которые зависят от культурных аспектов интеграции (в «немецкой традиции» были выделены четыре аспекта интеграции — структурный, социальный, идентификационный и культурный [8]), например, традиция проживания большими семьями [46] и владение языком принимающей страны [54] способствуют покупке дома. Другая детерминанта интеграции — возраст и тип жилья: структурные позиции мигрантов обычно уступают местным жителям, и они селятся в старом и ветхом жилье [48], особенно в странах, где у мигрантов нет доступа к социальному жилью, мигранты селятся и в специальном жилье (общежития [33]) или не-жилье (трейлеры [32]).

Еще одной важной характеристикой расселения является социальное окружение в месте проживания: предпочтения относительно соседей связаны со структурными характеристиками интеграции и трансформируются с изменением уровня дохода и временем пребывания в миграции. Первое время мигранты проживают большими группами, часто с соотечественниками, затем делают выбор в пользу меньшего числа соседей по жилью, и этнический состав окружения становится более разнообразным [42], но фактический круг общения и его интеграционные характеристики различаются у мигрантов из разных стран [24]. Четвертым ключевым аспектом расселения мигрантов является расстояние до работы и, в целом, соотношение работы и дома: мигранты предпочитают минимизировать время на дорогу от работы от дома, а некоторые даже готовы оплачивать более дорогостоящую аренду, чтобы сократить это время [31].

В российских исследованиях тема расселения мигрантов до последнего времени поднималась достаточно редко. Например, О. Вендина, по данным переписи 2002 года [10–12], показала, что мигранты в Москве расселены

относительно равномерно и вероятность возникновения мигрантских анклавов в столице невелика. В исследовании 2019 года [13] выводы уже несколько иные: хотя Москва продолжает характеризоваться эгалитарным типом пространства, последние 10–15 лет породили неравенство, и расселение мигрантов по городу стало менее равномерным. Работы Вендиной показывают различия районов по этническому составу, но не затрагивают формы и аспекты расселения мигрантов, а также его связь с интеграцией.

Вопросы *tenure* достаточно полно рассмотрены в исследовании А. Андреевой с коллегами [2]: на примере подмосковного города Котельники они выделяют среди мигрантов собственников, арендаторов и проживающих по месту работы и показывают, чем эти группы различаются. Согласно классификации типов *tenure* в Москве мигранты чаще снимают койко-места, чем квартиры целиком, однако эти выводы были сделаны на основании опроса нерепрезентативной выборки и без разделения совместной и индивидуальной аренды, что важно для интеграционных траекторий [49]. Значение типа застройки для интеграции мигрантов также оставалось вне внимания российских исследований, за исключением Е. Бедриной [4], показавшей, что мигранты обычно проживают в старом и ветхом жилье, на примере ситуации вокруг Черкизовского рынка. Этого рынка не существовало на момент выхода ее статьи, а работники рынка «Садовод», сменившего «Черкизон», чаще селятся в постройках 2000-х – 2010-х годов и в целом в новом жилье чаще, чем местные [2]. Чаще в фокусе российских исследований оказывались характеристики соседей [2; 14; 19], в основном связи между проживающими в квартирах, однако классификация социальных кругов московских мигрантов по месту жительства не была предложена, как и ее взаимосвязь с их интеграционными характеристиками.

Таким образом, в российской литературе характеристики расселения мигрантов рассматриваются лишь в небольшом числе работ, и почти полностью игнорируется их взаимосвязь с интеграцией мигрантов. Наше исследование призвано описать разные аспекты расселения мигрантов в Москве и Московской области (отношения жильцов с недвижимостью, тип жилища и время его постройки, отношения между людьми на единице недвижимости, соотношение жилья и рабочего места) и предварительно оценить интеграционные последствия разных типов расселения. Сбор данных был проведен с помощью метода интервью (глубинные, экспертные и экспресс-интервью) на принципах «обоснованной теории» [15; 28; 29; 30; 40; 51].

Объект исследования — этнические мигранты из Средней Азии и Закавказья: люди, которые родились не в России и воспринимаются местным населением как «чужие» (могут быть и гражданами России). Была использована теоретическая выборка [35]: сначала были отобраны наиболее различающиеся варианты проживания мигрантов в Москве и Московской области [21. С. 147] по типам *tenure*, недвижимости, социального окружения и способам

добираться на работу. Чтобы охватить все возможные варианты расселения мигрантов, поиск осуществлялся в разных районах Москвы и Подмосковья, с непохожей инфраструктурой и социально-экономическими характеристиками. В выборку районов вошли места скопления мигрантов: рынки («Садовод», Савеловский, «Строймастер», Новоясеневский), вокзалы (Киевский), районы общежитий (Новоивановское, район «Фуд Сити»), торговые центры как места работы и отдыха мигрантов («Принц Плаза», «Метрополис», «Гагаринский», «Европейский», «Савеловский»). Каждый последующий случай проживания должен был быть максимально непохожим на предыдущий (например, гражданин России, проживающий в квартире в Москве, и иностранный гражданин, живущий в частном доме в Подмосковье).

Исследование состояло из следующих циклов: (1) встреча команды исследователей, формулировка гипотез и описание лакун, подбор подходов для заполнения лакун и проверки гипотез; (2) полевой этап — поиск и интервьюирование информантов; (3) написание полевых дневников, расшифровка аудиозаписей; (4) чтение дневников и конспектов интервью всеми участниками команды; (5) встреча команды исследователей для обсуждения наполнения категорий, оснований для их различения, отбора новых случаев проживания мигрантов для дальнейшей полевой работы. Первоначально исследователи брали короткие интервью, чаще всего на улице, для сбора информации о пути мигранта в России и установление контакта. Затем исследователи договаривались о встрече для проведения глубинного интервью. В его финальной части выяснялись особенности проживания знакомых информанта для возможного выхода с ними на связь. Эта цепочка, впрочем, работала не всегда, и часто приходилось довольствоваться информацией, полученной в ходе коротких интервью, в том числе оборванных на разных этапах. Важно отметить, что выборка имеет смещения, в частности, в ней плохо представлены мигранты из высокодоходных групп, а также собственники жилья.

Эмпирической базой исследования стали 65 полуструктурированных интервью: в 13 удалось исчерпывающе реконструировать миграционную и резидентную историю, понять логику смены мест жительства, в 37 — частично понять механизм поиска жилья, в 15 экспресс-интервью — описать только текущее место жительства, в одном интервью поговорить с экспертом — владельцем киргизского агентства недвижимости. Гайд интервью включал вопросы по миграционной и резидентной истории информанта, о его семейном положении, занятости, организации бюджета, отношениях с соседями и другими национальностями, режиме пользования районом, планах на будущее, каждом месте проживания в России, денежных расходах на жилье, его качестве, местоположении и поиске, установках и размышлениях о жилье. Интервьюер графически изображал резидентную биографию информанта и отмечал важные характеристики мест его проживания. Итогом исследования стала классификация расселения мигрантов по разным основаниям — ниже описано каждое из них.

Tenure/«отношения с недвижимостью»

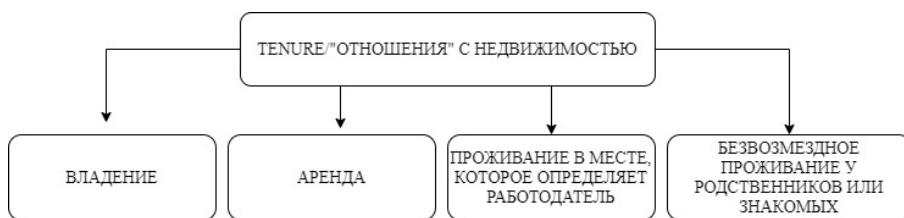

Рис. 1. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «tenure»

В английском языке *tenure* — отношения правового характера между мигрантом и местом его проживания. В русском языке есть только неудачные аналогии термина, поэтому мы не стали его переводить и расширили границы самого феномена, включив в него отношения между мигрантом, собственником и посредниками. Было выделено четыре типа *tenure* (Рис. 1): первый — владение, когда мигранты приобретают жилье в собственность, оплачивая всю сумму сразу. Так поступил М. (м., 55 лет, узбек): в 2006 году он переехал в Россию, работал продавцом в магазине, затем купил машину и несколько лет работал таксистом, параллельно изучал, как устроен рынок стройматериалов, с 2010 года арендовал складское помещение на рынке «Строймастер» и организовал свой бизнес, в 2013 году купил однокомнатную квартиру в Московском, исходя из близости к месту работы и располагаемой суммы.

Скорее всего такие истории менее распространены, чем покупка жилья в ипотеку. Продавщица цветов А. (ж., 52 года, армянка) и ее супруг взяли в кредит в 1,5 млн рублей — недостающую сумму для покупки квартиры в юго-восточном районе Москвы, где живут и работают уже 7 лет. Изначально они приехали в этот район, поскольку там жил и работал брат А.: она сразу стала работать продавщицей в его цветочном магазине, муж переехал через пару месяцев и помогал с поставкой цветов. Семья никогда не думала о смене места жительства и работы. А. хотела как можно быстрее купить квартиру, для нее это способ стать «своей», поскольку отношение к ее семье как к приезжим ее задевало, а после покупки квартиры, по ее мнению, отношение «местных» изменилось бы.

Некоторые мигранты приобретают участки и строят дома. Например, С. (м., 50 лет, узбек) переехал в Москву в 2003 году, три года работал строителем и жил в строительных вагончиках, затем снимал квартиру в поселке Мосрентген, рядом с местом работы. В 2010 году купил участок на Калужском шоссе, недалеко от места работы — рынка «Строймастер», где у него бизнес — и построил трехэтажный дом. Он всегда хотел жить в доме, потому что жизнь в квартире не для него — в Оше у него был дом, да и вообще комфортнее, когда есть свой участок и можно не сидеть в душной квартире.

Следующий тип *tenure* — аренда: мигранты могут арендовать койко-место в квартире, общежитии или доме, комнату, квартиру или дом, могут легко менять районы и места проживания, поскольку аренда привязывает человека

к месту в меньшей степени, чем собственность. Мы различаем совместную аренду квартиры и аренду койко-места в квартире в зависимости от того, как информант описывает свое проживание. Эти типы различаются «условием входа» для новых жителей: в квартире, которую снимают совместно, новый житель должен быть знакомым кого-то из соседей, если арендуется койко-место, то вопрос часто сводится только к платежеспособности потенциального соседа. Так, работник склада Ш. (м., 37 лет, кыргыз) после жизни в строительных вагончиках в первые месяцы в Москве снимал койко-места в разных квартирах-общежитиях. Нынешнее койко-место он нашел без труда — выбрал первый удобный вариант и никаких особых условий, кроме своевременной оплаты, там не было. Отличается история таксиста А. (м., 30 лет, таджик): он арендует квартиру с приятелями-таксистами, они вместе проводят время по вечерам, а если кто-то съедет, то не станут брать «первого встречного» — готовы платить более высокую арендную плату, чтобы сохранить дружескую атмосферу.

Помимо аренды койко-места в квартире, возможна аренда койко-места на рабочем месте — У. (м., 35 лет, узбек) — или в доме — Н. (ж., 35 лет, узбечка). У. работает уборщиком в торговом центре, в нем же арендует койко-место. Он с радостью бы переехал на койко-место в квартире, но у него нет денег: койко-место на работе стоит дешевле, чем в любой квартире. Он работает недавно, ему еще не выплатили первую зарплату, поскольку он не предоставил патент на работу — у него нет денег, чтобы его оплатить, т.е. улучшение жилищных условий здесь ушло на второй план. Койко-место в доме арендуют мигранты, работа которых находится недалеко от него: Н. работает в оптово-продовольственном центре «Фуд Сити», перебирает овощи, колет и чистит орехи. Она арендует койко-место в деревне в четырехэтажном доме недалеко от места работы: владелец дома живет с семьей на 4 этаже, а 3 других этажа сдает под койко-места. Другой пример — уборщик в том же центре С. (м., таджик, 50 лет): прежде он работал на кладбище в соседней деревне, арендовал койко-место в двухэтажном доме, где проживало примерно 100 человек (собственников дома никогда не видел).

Пример аренды квартиры — история Р. (м., 31 год, киргиз): несколько лет назад владелец ресторана, в котором Р. работает су-шефом, предложил ему посмотреть квартиру в Ясенево (районе, где жил у дяди и работал Р.), которую сдавал его друг. Р. арендовал трехкомнатную квартиру и стал жить с двумя братьями и сестрой. Год назад брат Р. предложил подселить к ним бывшего одноклассника Ш. (м., 21 год, киргиз), который хотел съехать от родственников. В разговоре о квартире, несмотря на то, что все делают вклад в оплату, Ш. называл ее квартирой Р., и сам Р. говорил, что он ее арендует, хотя скорее является «ответственным квартиросъемщиком».

От организации таких квартир-общежитий можно получить дивиденды. Если Р. арендует квартиру, чтобы жить с родственниками, то агент по недвижимости А. (ж., 35 лет, киргизка) арендует квартиру, чтобы организовать

сдачу койко-мест, и живет там сама. А. работает агентом по аренде недвижимости с 2016 года и имеет дело с квартирами, которые выставлены на продажу. Такие квартиры она арендует по небольшой цене, заселяется, селит жильцов, а когда квартира продается — выселяется в следующую. За последние два года она сменила четыре квартиры, сейчас арендует четырехкомнатную квартиру на метро Братиславская, и три комнаты сдает в аренду, а в комнату, где живет с мужем, временно подселила девушку. Как делят плату жители комнат, А. не знает и не интересуется, говорит, что не зарабатывает, а организует квартиру-общежитие, только чтобы самой не платить за жилье.

Следующий тип аренды — аренда комнаты: как правило, мигранты арендуют комнаты, чтобы жить со своей семьей или с друзьями. Информант К. (м., 30 лет, узбек) снял комнату в поселке Хлебниково, где нашел работу. В комнате он живет с супругой, которая работает в поселке — недавно ее перевез к себе. В других комнатах проживают братья информанта и хозяйка квартиры. Некоторые мигранты арендуют комнаты, чтобы жить в одиночку: М. (м., 55 лет, узбек) снимал комнату в Ясенево с 2006 по 2013 год и сменил жилье только потому, что накопил деньги на покупку квартиры.

Проживание в месте, которое определяет работодатель, — случаи, когда мигрант по договоренностям с работодателем обязан жить на рабочем месте или рядом с ним и за проживание не платит (хотя в ряде случаев проживание из зарплаты вычитается). Такое условие часто выдвигают сиделкам (А. — ж., 35 лет, киргизка), поскольку им необходимо следить за подопечным 24 часа в сутки, или строителям (С. — м., 52 года, таджик, Г. — м., 38 лет, узбек), которые живут в вагончиках на стройках или близко от них, чтобы экономить время на дорогу. В таких случаях мигранты не выбирают место жительства — оно идет «в пакете» с работой. Бывает, что работодатель оставляет за работником выбор — поселиться самостоятельно или там, где он скажет. Например, промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек) и его коллеги могли выбрать — жить в общежитии, предоставляемом работодателем, или снимать самостоятельно. Щ. выбрал первый вариант: ему удобно, что работодатель решает проблему жилья и берет на себя «доставку» Щ. на работу. Аналогичный пример — Б. (м., 24 года, узбек) и М. (ж., 55 лет, киргизка): Б. работает сантехником и живет в строительном общежитии работодателя в том же районе, что и Щ; М. работает уборщицей на «Садовое» и живет в общежитии рядом (платит за него).

Вариант безвозмездного проживания в квартире или доме у знакомых или родственников характерен для мигрантов, которые приезжают на заработки впервые и поначалу живут у родственников, не оплачивая койко-место, а делая вклад в хозяйство, например, организуя быт или следя за детьми. Так, пенсионерку Г. (ж., 65 лет, узбечка) два года назад перевезла из Бухары в Подмоскowie дочь, чтобы она присматривала за внуком и следила за хозяйством, пока та на работе. Другая иллюстрация — А. (м., 23 года, таджик), который работает грузчиком в палатке с самсой в районе Теплого стана и живет в

районе метро Озерная с мамой в квартире, которую отдал его маме во временное безвозмездное пользование ее бывший работодатель. Мама А. работала сиделкой для пожилой женщины около 10 лет, и после ее смерти сын разрешил сиделке бесплатно жить там, пока квартира выставлена на продажу (А. оплачивает только коммунальные платежи).

Тип застройки

Рис. 2. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «тип застройки»

Типы застройки, в которых проживают информанты, мы разделили на новый и старый многоквартирный жилой фонд, индивидуальные жилые дома, строительные вагончики и общежития (Рис. 2). Новый многоквартирный жилой фонд — это все дома, построенные после распада СССР, старый жилой фонд — построенные ранее. Проживающие в домах нового жилого фонда могут иметь квартиру в собственности, как, например, таксист А. (м., 48 лет, таджик), снимать квартиру, как владелец парикмахерской И. (м., 35 лет, азербайджанец), комнату, как работница рынка Н. (ж., 45 лет, узбечка) или койко-место, как Ш. (м., 25 лет, таджик). Квартиры нового жилого фонда и приобретенные информантами часто располагаются за МКАДом по причине более низкой стоимости и расположения работы. Собственник А., который купил трехкомнатную квартиру в Люберцах на стадии котлована, хотел бы жить поближе к МКАДу, но не было подходящих по сумме и площади вариантов. Собственников А. и С. эта локация устраивала без оговорок, поскольку они работают за МКАДом. Среди информантов не было тех, кто имел квартиру в собственности в старом жилом фонде — здесь снимают квартиры, комнаты и койко-места. Мы столкнулись с переизбытком информантов, которые арендуют койко-места в пределах МКАДа в квартирах старого жилого фонда, и заметили тенденцию, что в пределах МКАДа мигранты чаще живут в квартирах старого жилого фонда, за пределами — нового. Насколько это верно — будем проверять в дальнейших исследованиях.

Следующий тип застройки — индивидуальные жилые дома. Этот тип актуален для Подмосковья, потому что в пределах Москвы (без Новой Москвы) индивидуальные жилые дома — редкость. Сборщик сантехники А. (м., 21 год, узбек) в поселке Хлебниково полтора года арендовал койко-место в доме, который у владельца снимает Г. (ж., 65 лет, узбечка), но переехал оттуда две недели назад, объяснив это тем, что дом старый и там плохо работает отопление, в связи с чем А. постоянно простужался. Г. рассказала, что хозяйка дома

умерла, дом долго стоял пустым, после чего сын хозяйки выставил его на сдачу. Нового владельца Г. никогда не видела, деньги переводит ему на карту. Г. не пользуется Интернетом, новые жильцы появляются через знакомых. Раз в три месяца к ней приходит участковый: не заходя в дом, спрашивает, есть ли новые жильцы, все ли у них в порядке с документами и нет ли у них проблем. Г. всегда говорит, что все в порядке. Помимо аренды дома мы встречали случаи, когда мигранты покупали участки и строили на них дома (выше приведен случай С.).

Четвертый тип застройки — строительные вагончики. Они могут быть изготовлены из разного материала и быть разной величины, а строительные городки, которые состоят из таких вагончиков, отличаются размерами и характеристиками благоустройства. Обычно такое жилье предоставляется работодателем и проживание в нем идет «в пакете» с работой, хотя нам сложно оценить, может ли мигрант или бригада отказаться от проживания как части этого «пакета». Кроме того, мы не встретили случаи аренды строительного вагончика отдельными мигрантами. Пример проживания в вагончике — рабочий Г. (м., 38 лет, узбек): он живет рядом с деревней в Новой Москве, где с другими рабочими обрабатывает торф. Жилье бригаде предоставляет работодатель, он также компенсирует затраты на продукты.

Последний тип — проживание в общежитии: это отдельно стоящие здания разных лет постройки, которые часто арендуют работодатели для своих сотрудников. Часть полевой работы проходила в общежитиях недалеко от Сколково, где селятся мигранты, так или иначе со Сколково связанные (в одном койко-места снимают компании, строящие Сколково, в другом живет промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек), который работает в компании, Сколково обслуживающей).

Социальные круги в месте проживания

Рис. 3. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «социальные круги в месте проживания»

Следующим основанием классификации стали характеристики социальных кругов в месте проживания — были выделены проживание в одиночку, с семьей, с родственниками, с представителями своей этнической категории (не семья или родственники), с представителями других этнических категорий

(не семья или родственники) (Рис. 3). Существует стереотип, что мигранты стараются жить вместе, «кучно», о чем нам рассказала и эксперт, владелица агентства по недвижимости Н., и скорее всего в той или иной степени это действительно так, но иногда мигранты селятся по одному. Так живут Д. (м., 53 года, таджик) и И. (м., 35 лет, азербайджанец): Д. — сотрудник профсоюза работающих мигрантов, несколько лет назад купил однокомнатную квартиру в Люберцах, где жил раньше. Д. добирается на работу два часа, но при выборе района было важно, что там живут знакомые, они могут ходить друг другу в гости по вечерам. И. — владелец парикмахерского салона, арендует однокомнатную квартиру и живет один.

Все остальные выделенные типы подразумевают соседство. Так, внутри типа «проживание с семьей» возможно проживание с супругом, с супругом и детьми или с родными братьями и сестрами. К. (ж., 29 лет, киргизка) живет с супругом-строителем, работает пекарем на Савеловском рынке. Они снимают комнату в Подмосковье, рядом со стройкой, где работает супруг. К. тратит два часа в день на дорогу к месту работы. Комнату нашел ее супруг до приезда, она не участвовала в принятии решения. С. (м., 50 лет, узбек) с семьей живет в собственном доме в Новой Москве, его дети родились в России. Нам встретился случай, когда пожилые родители живут с совершеннолетними детьми, но резидентные решения принимают дети (А. — ж., 52 года, армянка). С братьями и сестрами живет электрик Э. (м., 22 года, таджик): он переехал год назад к брату, который живет и работает в Москве около 15 лет. Они снимают двухкомнатную квартиру в районе метро Водный стадион, вместе с ними живут две сестры, обе работают уборщицами. Квартиру снял старший брат Э. несколько лет назад.

Следующий тип — проживание с двоюродными и троюродными родственниками. На момент интервью так жил таксист Н. (м., 28 лет, киргиз): приехав в Москву, он временно поселился у родственников в квартире на Преображенской площади, в трех остановках от метро. В большой комнате спят 4 человека, в другой — 3. Он никогда не интересовался, как родственники (семья двоюродного брата отца) нашли эту квартиру и знает лишь, что они живут там уже давно. Сейчас он ищет жилье поближе к метро.

Другой распространенный тип расселения при первом приезде — проживание с представителями своей этнической категории, которые не являются родственниками, — это могут быть как знакомые информанта из своей страны, так и новые связи по приезде. Например, К. (м., 38 лет, киргиз) живет с другими киргизами, с которыми он познакомился в Москве в съемной двухкомнатной квартире на Алексеевской. Там живет 7 человек: женщины работают продавщицами, мужчины — на стройках. При поиске жилья у К. не было запроса, чтобы все в квартире были его национальности, но поскольку он общается только с киргизами, с ними же работает и через знакомых искал жилье, то это его постоянный, повторяющийся тип проживания.

Последний тип — проживание с представителями других этнических категорий. Чаще всего так живут в общежитиях или квартирах-общежитиях, где живет А. (м., 21 год, узбек). Пару недель назад он переехал в однокомнатную квартиру, где живут его коллеги по работе — два узбека и таджик. Раньше они не были знакомы, эту квартиру А. нашел через друга с работы, который познакомил его с жильцами квартиры — они искали еще одного соседа, чтобы меньше платить за квартиру. Формально к этому типу относится проживание домработниц и съем комнаты или койко-места в квартире у немигрантов. Сиделка Д. (ж., 44 года, киргизка) обязана жить со своей подопечной — русской пенсионеркой, а М. (м., 28 лет, таджик) снимает комнату в квартире у русской женщины, которая живет в соседней комнате. Приведенные примеры тяготеют к одному из типов, однако встречались случаи, которые было сложно классифицировать однозначно: например, курьер Э. (м., 29 лет, киргиз) живет в квартире-общежитии, которую организовала его двоюродная тетя (помимо Э., в квартире живет 17 человек — киргизы, узбеки, казахи, русский), а санитарка Д. (ж., 42 года, таджичка) снимает двухкомнатную квартиру в Королеве, где сначала жила с тремя детьми, а затем подселила к себе таджичку, с которой не была знакома раньше, чтобы делить арендную плату.

Способ добираться на работу

Классификация по этому основанию основана на гипотезе, что мигранты, выбирая место проживания, ориентируются преимущественно на расположение работы. Все способы передвижения информантов на работу можно разделить на проживание на рабочем месте, пешком, на личном транспорте, на общественном транспорте, на транспорте, который предоставляет работодатель, и иное (Рис. 4).

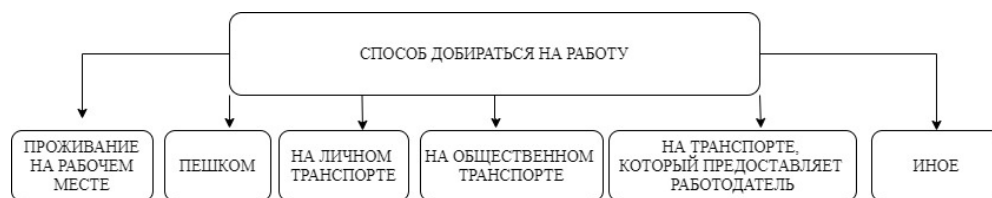

Рис. 4. Классификация типов проживания мигрантов по основанию «способ добираться на работу»

На рабочем месте проживают чаще всего мигранты, которым предоставляет жилье работодатель. Так, Г. (м., 38 лет, узбек) живет в вагончике рядом со стройкой, У. (м., 35 лет, узбек) проживает в подсобном помещении торгового центра, в котором работает, С. (м., 52 года, таджик) живет в общежитии, которое убирает. Те, кто добираются на работу пешком, как правило, тратят на дорогу до получаса. Пешая доступность работы — весомый фактор при выборе жилья. Так, работник супермаркета у станции метро Академическая Ш. (м., 37 лет, киргиз) раньше жил в Черемушках и ездил на работу на общественном транспорте. После того, как ему пришлось сменить жилье, он искал койко-

место в Академическом районе, чтобы экономить на транспорте. Кроме того, мигранты выбирают жилье в пешей доступности от места работы, чтобы не спускаться в метро и не подвергаться контролю документов. Курьер Э. (м., 29 лет, киргиз) впервые в этом году сделал патент на работу, раньше работал без него и для безопасности переехал в район метро Бабушкинская, чтобы ходить пешком и не сталкиваться с полицией в метро.

На личном транспорте добираются на работу владельцы строительного бизнеса М. (м., 55 лет, узбек), С. (м., 50 лет, узбек) и логист Ф. (м., 30 лет, узбек). М. каждый день добирается из поселка в Новой Москве на склад и офис, расположенные на рынке «Строймастер», около 20 минут без пробок, 40 — с пробками. С., коллега М., примерно столько же времени тратит на дорогу, добираясь из города Троицк. Эти два информанта имеют в собственности дома, которые построили, ориентируясь на близость к строительному рынку, поскольку занимаются строительным бизнесом по 10 лет и намерены продолжать. Ф. — их общий друг, он работает логистом, его компания расположена на Ленинском проспекте, из Московского, где он пару лет назад купил квартиру в ипотеку, добирается на работу за 40–50 минут. Время на дорогу к месту работы у тех мигрантов, которые добираются на общественном транспорте, занимает от 10 минут до 2 часов. На транспорте, который предоставляет работодатель, перемещается промышленный альпинист Щ. (м., 28 лет, узбек): он живет в общежитии недалеко от Сколково в комнате с коллегами, каждое утро за ними приезжает машина, отвозит их на строительный объект в Сколково, вечером привозит обратно.

Расселение и интеграция

Каким образом принадлежность к тому или иному типу связана с интеграцией? Хотя основной целью исследования было создание исчерпывающей классификации характеристик проживания, проведенные интервью, предыдущие исследования авторов и имеющаяся литература позволяют сделать ряд обоснованных предположений о том, как проживание связано с интеграцией. Прежде всего, по-разному сказываются на интеграционных траекториях типы *tenure*: собственность на недвижимость, а не, скажем, гражданство, видимо, является индикатором того, что мигрант окончательно переехал в Россию, а не живет на две страны. Показателен в этом смысле случай А. (ж., 52 года, армянка), для которой покупка квартиры была способом стать «своей» для соседей. Кроме того, по законодательству получение резидентного статуса в России сопряжено с регистрацией по месту жительства [21]. Существуют разные стратегии ее получения, но покупка недвижимости — одна из них, т.е. структурная интеграция связана с *tenure*. Напротив, чем больше отчужден мигрант от места проживания, тем меньше его вовлеченность в районную социальную жизнь и идентификация с местом — это касается и аренды, и проживания в месте, назначенном работодателем. Последний тип *tenure*, привязывая мигранта к

работодателю, еще более отдаляет его от социальной среды в месте жительства: вокруг общежития Щ. (м., 28 лет, узбек) много жилой застройки, но он почти никого оттуда не знает и не стремится знакомиться.

Судя по всему [2; 9], российская особенность расселения мигрантов состоит в том, что они селятся преимущественно в новостройках, но как это связано с интеграцией? Из исследований о формировании сообществ известно, что те из них, что складываются синхронно, комфортнее для мигрантов, чем те, в которые приезжие вынуждены вливаться [см. напр.: 25]. Можно предположить, что социальная интеграция в новом многоквартирном доме протекает проще, чем в старом, и установки в отношении мигрантов среди тех немигрантов, что недавно поселились в этих домах, в целом позитивнее, чем среди старожилов. Впрочем, есть свидетельства как в пользу этой гипотезы, так и опровергающие ее: например, в новых районах подмосковных Котельников русские женщины на детских площадках пытаются не пускать в «свои круги» мигранток [2], то же происходит и в «старых» московских районах [20].

Социальные круги в месте проживания — важная часть социальных контактов и показатель интеграции [44]. Например, чем больше в этих кругах соотечественников, тем меньше возможностей выучить язык принимающего общества. Кроме того, социальные круги в месте проживания — пространство циркуляции полезной информации, в частности, о возможностях трудоустройства: чем больше в социальных кругах мигранта соотечественников, тем выше вероятность трудоустройства по специальностям, которые не требуют квалификации, и тем ниже вероятность восходящей профессиональной траектории на первичном рынке труда [41]. Впрочем, соотечественники соотечественникам рознь: если мигранты в основном общаются с соотечественниками, с которыми познакомились в принимающем обществе, то чувствуют себя свободнее и в большей степени готовы менять поведение согласно нормам принимающего общества [49].

Соотношение места жительства и места работы, видимо, является индикатором процессов, напрямую с проживанием не связанных. В этом смысле противопоставлены своего рода транспортная ассимиляция [23], когда мигранты перестают различаться по времени пути до работы, и ситуация, когда мигрант живет на рабочем месте (это противопоставление характеризует, в первую очередь, постиндустриальные города). Можно предположить, что рутинное перемещение по городу, прежде всего на общественном транспорте, связано с большим включением в городскую жизнь с разными интеграционными последствиями [26]. Напротив, если мигранты живут на работе, а в России чаще всего так живут строители, они могут замкнуться на сообществе, состоящем исключительно из родственников и соседей по стране происхождения. На одной из строек Подмоскovie мигранта, который в свой единственный выходной ездил смотреть на Кремль, называли путешественником и подсмеивались над ним.

Итак, наше исследование позволило представить классификацию характеристик расселения мигрантов в Москве и Московской области по четырем основаниям и показать, как типы проживания связаны с интеграцией. Мы выдвинули ряд гипотез, согласно которым владение недвижимостью положительно влияет на структурную, социальную и идентификационную интеграцию мигрантов, а проживание на рабочем месте, наоборот, негативно сказывается на включении мигранта в принимающее сообщество. В столице и Московской области мигранты живут в новом и старом многоквартирном жилом фонде, в индивидуальных жилых домах, вагончиках и общежитиях. Проживание в каждом из типов застройки может как позитивно повлиять на социальную интеграцию мигрантов, так и наоборот. Социальные круги в месте проживания мигрантов могут включать в себя семью, родственников, представителей своей и других этнических категорий, а могут отсутствовать полностью, когда человек проживает один. Окружение тесно связано с социальной интеграцией мигрантов и может влиять на структурные аспекты интеграции (поиск работы и доход). Последний важный аспект расселения мигрантов — дистанция между жильем и рабочим местом с точки зрения способов добираться на работу, которая также связана с социальной интеграцией. Например, проживание на рабочем месте и перемещение по городу только на транспорте работодателя приводят к социальной изоляции или общению мигранта только с соотечественниками. Приведенная классификация, примеры из поля и предположения о связи типов проживания и интеграции должны стать предметом дальнейших исследований взаимосвязи расселения мигрантов и их интеграции в российском обществе.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 18-78-10086 «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

Библиографический список / References

- [1] *Абашин С.* Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Россия и мусульманский мир. 2015. № 1 / Abashin S. Dvizheniya iz Tsentralnoi Azii v Rossii: v modeli novogo miroustroistva [Movements from Central Asia to Russia: In the model of a new world order]. *Rossiia i Musulmanskyy Mir*. 2015; 1 (In Russ.).
- [2] *Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А.* Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей / Andreeva A.S., Ivanova N.S., Varshaver E.A. Yavlyayutsya li Kotelniki etnomigratsionnym anklavom? Keis-stadi goroda-sputnika Moskvyy na predmet etnomigratsionnykh kharakteristik ego zhitelei [Does Kotelniki qualify as an ethnic-migrant enclave? A case-study of residents' ethnic-migration features in Kotelniki, a satellite-city of Moscow]. https://usp.hse.ru/data/2020/03/31/1552579393/Андреева,%20Иванова,%20Варшавер-31_03_20.pdf (In Russ.).
- [3] *Антропологи ТГУ: в России, в отличие от Запада, нет мигрантских гетто / Antropologi TGU: v Rossii, v otlichie ot Zapada, net migrantskikh getto* [TSU anthropologists: In Russia, unlike the West, there are no migrant ghettos]. <http://www.tsu.ru/news/antropologi-tgu-v-rossii-v-otlichie-ot-zapada-net-> (In Russ.).

- [4] Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Куприна Т.В. и др. Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов / Отв. ред. А.Г. Шеломенцев. Екатеринбург, 2017 / Bedrina E.B., Vandyshev M.N., Kuprina T.V. et al. *Regionalnye aspekty mezhdunarodnoi trudovoi migratsii v sovremennoi Rossii. Otsenka faktorov i effektiv* [Regional Aspects of International Labor Migration in Contemporary Russia. Assessment of Factors and Effects]. Отв. ред. А.Г. Шеломенцев. Екатеринбург, 2017 (In Russ.).
- [5] Вандышев М.Н. Территориальный принцип размещения трудовых мигрантов в большом городе // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ / Гл. ред. М.Н. Вандышев. Т. 2. Екатеринбург, 2016 / Vandyshev M.N. Territorialny printsip razmeshcheniya trudovyh migrantov v bolshom gorode [Territorial principle of settling migrants in the big city]. *Dinamika i inertsiionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenii v Rossii i SNG*. Gl. red. M.N. Vandyshev. Vol. 2. Yekaterinburg; 2016 (In Russ.).
- [6] Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 3 / Varshaver E.A., Rocheva A.L. Integratsiya migrantov: chto eto i kakuyu rol v ee osushchestvlenii mozhnet igrat gosudarstvo [Migrants integration: What it is and what role the state plays in its implementation]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoi Politiki*. 2016; 14 (3) (In Russ.).
- [7] Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Андреева А.С., Иванова Н.С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении (Часть I) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6 / Varshaver E.A., Rocheva A.L., Andreeva A.S., Ivanova N.S. Rasselenie migrantov v globalnykh gorodakh i ego determinanty: Paris, Singapore, Sidney i Moscow v sravnenii (Part I) [Migrants settlement patterns in global cities and their determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow (Part I)]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskies i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 6 (In Russ.).
- [8] Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18-35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2 / Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integratsiya migrantov vtorogo pokoleniya v vozraste 18-35 let v Rossii: rezultaty issledovatel'skogo proekta [Second generation migrants aged 18–35 in Russia: Research project results]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskies i Sotsialnye Peremeny*. 2019; 2 (In Russ.).
- [9] Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? Рукопись, 2020 / Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Ermakova M.A. Mesta rezidentnoi kotsentratsii migrantov v rossiiskikh gorodakh: est li pattern [Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is there a pattern?]. Manuscript, 2020 (In Russ.).
- [10] Вендина О.И. Мигранты в Москве: Грозит ли российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. 2005. № 3 / Vendina O.I. Migranty v Moskve: Grozit li rossiiskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya [Migrants in Moscow: Does ethnic segregation threaten the Russian capital?]. *Migratsionnaya Situatsiya v Regionah Rossii*. 2005; 3 (In Russ.).
- [11] Вендина О.И. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 / Vendina O.I. Mogut li v Moskve vzniknut etnicheskies kvartaly [Can ethnic neighborhoods arise in Moscow?]. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*. 2004; 3 (In Russ.).
- [12] Вендина О.И. Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3 / Vendina O.I. Migranty v rossiiskikh gorodakh [Migrants in Russian cities]. *Otechestvennye Zapiski*. 2012; 3 (In Russ.).
- [13] Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6 / Vendina O.I.,

- Panin A.N., Tikunov V.S. Sotsialnoe prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura [Social space of Moscow: Peculiarities and patterns]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2019; 6 (In Russ.).
- [14] Деминцева Е.Б., Пешикова В.М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп weekly. 2014. № 597–598 / Demintseva E.B., Peshkova V.M. Migranty iz Srednei Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoskop Weekly*. 2014; 597–598 (In Russ.).
- [15] Дивисенко К.С. Представления о будущей семейной жизни в биографических текстах школьников // Телескоп. 2008. № 5 / Divisenko K.S. Predstavleniya o budushchei semeinoi zhizni v biograficheskikh tekstakh shkolnikov [Representations of future family life in the biographical texts of pupils]. *Teleskop*. 2008; 5 (In Russ.).
- [16] Дятлов В.И., Григоричев К.В. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск, 2013 / Dyatlov V.I., Grigoriev K.V. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities]. Irkutsk; 2013 (In Russ.).
- [17] Кашицкий Д.С. Доступ к медицинской помощи в Москве среди женщин-мигрантов из Средней Азии: пол имеет значение // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М., 2016 / Kashnitsky D.S. Dostup k meditsinskoj pomoshchi v Moskve sredi zhenshchin-migrantov iz Srednei Azii: pol imeet znachenie [Access to the medical care in Moscow for women migrants from Central Asia: Gender matters]. *XVI Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*. Otv. red. E.G. Yasin. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [18] Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. Т. 20. № 1 / Mukomel V.I. Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsialnye praktiki [Integration of migrants: Challenges, policy, social practices]. *Mir Rossii*. 2011; 20 (1) (In Russ.).
- [19] Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2 / Rocheva A.L. Issledovanie pozitsii “kariery kvartirosemshchika” i modelei prozhivaniya v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [The study of ‘tenant career’ positions and housing models of migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2015; 21 (2) (In Russ.).
- [20] Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Детские площадки как пространства интеграции мигрантов // Вопросы образования. 2017. № 2 / Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Detskie ploshchadki kak prostranstva integratsii migrantov [Playgrounds as migrant integration spaces]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2017; 2 (In Russ.).
- [21] Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001 / Strauss A., Corbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [22] Федеральный закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» / Federal Law of the Russian Federation No 115-FZ from July 25, 2002 “On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation”. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868 (In Russ.).
- [23] Blumenberg E. *Moving in and Moving Around: Immigrants, Travel Behavior, and Implications for Transport Policy*. University of California; 2009.
- [24] Bolt G. Turkish and Moroccan couples and their first steps on the Dutch housing market: Co-residence or independence? *Journal of Housing and Built Environment*. 2002; 17 (3).
- [25] Brown G., Brown B.B., Perkins D.D. New housing as neighborhood revitalization: Place attachment and confidence among residents. *Environment and Behavior*. 2004; 36 (6).
- [26] Buhr F. Using the city: Migrant spatial integration as urban practice. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018; 44 (2).

- [27] Bygren M., Szulkin R. Ethnic environment during childhood and the educational attainment of immigrant children in Sweden. *Social Forces*. 2010; 88 (3).
- [28] Chamberlain K. Using grounded theory in health psychology: Practices, premises and potential. Murrey M., Chamberlain K. (Eds.). *Qualitative Health Psychology: Theories and Methods*. Sage Publications; 1999.
- [29] Charmaz K. “Discovering” chronic illness: Using grounded theory. *Social Science and Medicine*. 1990; 30 (11).
- [30] Charmaz K. Grounded theory. Ritzer G. (Ed.). *Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Blackwell Publishing; 2007.
- [31] De U.K., Vupru V. Location and neighborhood conditions for housing choice and its rental value. *International Journal of Housing Markets and Analysis*. 2017; 10 (6).
- [32] Donato K.M., Stainback M., Bankston C.L. The economic incorporation of Mexican immigrants in Southern Louisiana: A tale of two cities. Zúñiga V., Hernández-León R. (Eds.). *New Destinations: Mexican Immigration in the United States*. New York; 2005.
- [33] Employer’s responsibilities. Learn about employers’ responsibilities towards foreign workers’ housing matters. <https://www.mom.gov.sg/passes-and-permits/work-permit-for-foreign-worker/housing/employers-responsibilities>.
- [34] Glaser B., Strauss A. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing; 1967.
- [35] Glaser B.G., Strauss A.L. Theoretical sampling. Denzin K.N. (Ed.). *Sociological Methods*. New York: Routledge; 2017.
- [36] Huddleston T., Niessen J., Tjaden J.D. Using EU indicators of immigrant integration. <https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/using-eu-indicators-of-immigrant-integration>.
- [37] Jahn J., Schmid C.F., Schrag C. The measurement of ecological segregation. *American Sociological Review*. 1947; 12 (3).
- [38] Li W. *Ethno Burb: The New Ethnic Community in Urban America*. Honolulu: University of Hawaii Press; 2009.
- [39] Locke K.D. *Grounded Theory in Management Research*. Manchester: Sage; 2000.
- [40] Logan J.R., Zhang W., Alba R.D. Immigrant enclaves and ethnic communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*. 2002; 67 (2).
- [41] Maslova S., King R. Residential trajectories of high-skilled transnational migrants in a global city: Exploring the housing choices of Russian and Italian professionals in London. *Cities*. 2020; 96.
- [42] Massey D.S. Ethnic residential segregation: A theoretical synthesis and empirical review. *Sociology and Social Research*. 1985; 69 (3).
- [43] Morales L., Giugni M. *Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work?* New York: Palgrave Macmillan; 2011.
- [44] Morse J.M. et al. *Developing Grounded Theory: The Second Generation*. Routledge; 2016.
- [45] Park R.E., Burgess E.W. *Introduction to the Science of Sociology*. University of Chicago; 1921.
- [46] Peach C. South Asian and Caribbean ethnic minority housing choice in Britain. *Urban studies*. 1998; 35 (10).
- [47] Portes A., Zhou M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993; 530 (1).
- [48] Van Kempen R. Segregation and housing conditions of immigrants in Western European Cities. Kazepov Y. (Ed.). *Cities of Europe: Changing Contexts, Local Arrangements, and the Challenge to Urban Cohesion*. Blackwell Publishing; 2005.
- [49] Varshaver E.A., Rocheva A.L. “Homeland-rooted” or acquired in the receiving society: How does the composition of migrants’ “co-ethnic” ties affect their patterns of integration? *Journal of International Migration and Integration*. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12134-019-00742-4>.

- [50] Ward D. The ethnic ghetto in the United States: Past and present. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1982; 7 (3).
- [51] Weingand D.E. Grounded theory and qualitative methodology. *IFLA Journal*. 1993; 19 (1).
- [52] Wimark T., Haandrikman K., Nielsen M.M. Migrant labor market integration: The association between initial settlement and subsequent employment and income among migrants. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2019.
- [53] Wirth L. The ghetto. *American Journal of Sociology*. 1927; 33 (1).
- [54] Xu D. English proficiency and homeownership in the US immigrant population. *Population Associations of America Annual Meeting*. 2017.
- [55] Zimmermann K.F., Constant A., Schüller S. *Ethnic Spatial Dispersion and Immigrant Identity*. Bonn: IZA Discussion Papers; 2014.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381

Features of settlement and integration of migrants in Moscow and the Moscow Region*

M.A. Ermakova, E.A. Varshaver, N.S. Ivanova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: maya.ermakova8@gmail.com; varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com)

Abstract. International studies prove the relationship between migrants' settlement patterns and their integration. Russian researchers have studied integration for many years but not migrants' settlement patterns. The authors aim at filling this gap and describing different aspects of migrants' settlement in Moscow and the Moscow Region as affecting integration. The article presents a classification of migrants' settlement patterns on four grounds: tenure, type of building, social circles and ways to get to work. Each type is illustrated by examples of settlement patterns and other details to provide lively descriptions of migrants' everyday life. The study consisted of 65 interviews with migrants in Moscow and the Moscow Region which were based on the principles of the grounded theory. In the study, migrants were people born in Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, both Russian and foreign citizens. The data show that, despite stereotypes, there is a great variety of migrants' settlement patterns, for instance, in terms of tenure there are those who have their own apartments and those who rent a bed at the workplace, while in terms of social circles, there are those who live with members of their nuclear family and those who share apartments with new acquaintances from different countries. The article presents some considerations on the relationship between certain migrants' settlement patterns and their integration, for instance, on the positive effect of property ownership on the structural and identity integration and on the relationship between using the employer's transportation and social aspects of integration.

Key words: migrants; settlement; housing; tenure; social circles; Moscow; Moscow Region; integration

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-78-10086 "Analysis of the mechanisms of the development of ethnic-migration enclaves in the Russian cities".

* © M.A. Ermakova, E.A. Varshaver, N.S. Ivanova, 2020.

The article was submitted on 12.01.2020. The article was accepted on 31.03.2020.